

Надежда Курская

ТАЙНЫЙ ЦЕНЗОР ИМПЕРАТОРА
И
КРОВЬ ЧАНЪАНЯ

18+

Надежда Курская

Тайный цензор императора и кровь Чанъаня

<https://litres.ru/70722304>

SelfPub; 2026

Аннотация

Яркие сны и кошмары преследуют цензора во сне и наяву. Что за страшная правда, известная лишь Алому фениксу, может повергнуть мир китайской столицы в хаос? Что заставляет Демона Чэнду ритуально убивать? Какова цена уговора, заключенного между цензором и телохранительницей Фэй? Что за секреты хранят древние сокровища предыдущей императорской династии, ждущие, когда же их наконец-то отыщут!?

Путешествие в Индию, потеря нефритовой пайдзы, тайны прошлого, загадки, мистика и новые таинственные дела преследуют цензора и пока он ищет ответы на эти вопросы в столице объявляется таинственная личность - Желтая обезьяна, грозя утопить Чанъань в крови, устраивает беспорядки и сеет смуту. В то время Темный дух Гу, изгнанный и погребенный, оказался усмирленным в сосуде лишь на время. Дух Гу бессмертен и желая освободиться, ищет новую жертву...

Содержание

Пролог. Алый дракон в погоне за фениксом	4
Часть 1 ЯРКИЕ СНЫ ЯНШО. Глава 1.	11
Проклятие темного духа Гу.	
Глава 2 Каникулы цензора и Час Петуха	50
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Надежда Курская

Тайный цензор императора и кровь Чанъаня

Пролог. Алый дракон в погоне за фениксом

Начался час затихания[1] , но были люди, которым было не сна даже в такое позднее время, несмотря на комендантский час, введенный в столице и очень строго соблюдающийся. Впрочем, для этих господ любой закон был не писан. Уютный уголок для наблюдения за звездами располагался в открытой пагоде во внутреннем дворе третьего дома. Внутри пагоды не было предполагаемого столика для чаепитий, только несколько скамеек из красного дерева, и то они были завалены картами звездного неба и заняты приборами для измерения и наблюдения за небом. Можно было расчистить место от этих предметов и примоститься на краешке скамьи, но пришедший неожиданно решил, что обойдется.

- Очень странно, что ты назначил встречу здесь, звездочет. Обычно ты проводишь время в своей башне или нашептывая возле императора.

- Я тоже рад тебя видеть, Командир, - в такт приветствию ответил обернувшийся. Звездочет повернул свое лицо к пришедшему, но его лицо было закрыто золотой маской, которую он снял, потому что они были одни.

- Скажи, хоть кто-нибудь еще видел тебя без маски?

- Только император.

- И как он ... это воспринял?

- Он считает меня воплощением божества, богом, спустившимся с небес, поэтому прислушивается к каждому моему совету.

- Это мы заметили, - улыбнулся мужчина, одетый в мантию парчовых стражей со знаком белого тигра.

- Ну еще есть ты. Ну и, конечно, наш Господин, которому мы служим. Его лица вообще никто не видел, он же Глава.

- Дела в Люджоу завершены.

- Я вообще то в курсе. Весьма прискорбно, что так вышло... — звездочет расчистил место для двоих и пригласил Командира сесть рядом.

Они опустились на скамью и их взгляды обратились к ночному небу.

- Придется переместиться в другое место. Этот тайный инспектор слишком назойлив...

- В этот раз он действовал тайно, по поручению Верховного цензора. Кто знает, о чем он доложил Верховному и что рассказал Его Величеству...

- Он на стороне императора, что мы можем поделать. Ты

же знаешь, Шин Си Хён велел его пока не трогать. В последней весточке от Главы говорилось, что он на шаг впереди, и что каждый шаг инспектора можно легко просчитывать. С нашей помощью Си Хён сможет обставить все так, что в конце концов мы найдем козла отпущения, свалив всю вину на марионетку, приближенную к императору... Хотя, это ведь ты у нас лучший предсказатель! – выставляя коллегу не в самом лучшем свете, высказывая поговорку. – «Лягушка лучше всего знает свое болото».

- А что с фениксом? Его уже устранили? – спросил звездочет, нервно кусая губу, ведь этот недочет был по его недосмотру, и он ощущал вину.

- Ты спрашиваешь меня об этом?! – мужчина удивленно переспрашивает, почти смеясь. – Это ты доверился не тому человеку!

- Я не святое божество, и тоже могу ошибаться в людях! Кто же знал, что он предаст нас!

- С четырьмя то глазами, как ты мог не разглядеть в нем предателя? – засмеялся Командир, слишком хорошо зная Янь Ши Фаня – тот вовсе не обидится на сказанные, даже слегка обидные слова.

- Ты тоже хорош! Это твои люди упустили его из виду! Я был уверен, что алый феникс будет работать с нами до конца.

- Но ты же главный звездочет и обязан все знать! – продолжил настаивать он, чтобы человек вновь ощутил вину за допущенные ошибки. – Не будь ты действительно всеведу-

щим и всезнающим – к тебе не возникло бы подобных претензий!

- Слушай! Хватит попрекать меня этим! Да, я признаю, что ошибся. Все ошибаются в людях. Всего один раз, ну с кем не бывает.

- Это означает, что он был невосприимчив к твоему голосу...

- А слушал всегда так внимательно! Как видишь очень редко, но все-таки встречаются такие невосприимчивые люди, чей разум продолжает бороться с внушением. И, что просто невыносимо, так это то, что Тянь Ши Хуан Ди как раз один из них! Мне крайне трудно контролировать императора! Каждый раз приходится изобретать новые способы воздействия, подходить с другой стороны...

- Да ты просто императорская подстилка! - хохотнул человек, одетый в парчовую мантию.

- Уж кто бы говорил... так что там с Алым фениксом?

- Он снова сбежал, но я приказал выслать за ним новую погоню. Люди Черного дракона должны поймать его. Им приказано не возвращаться без добычи.

- За ними надеюсь проследят, если они не выполняют указ?

- Красный дракон займется их устранением.

Его оборвал на полуслове звездочет:

- Ваши люди обязательно должны его убить, ведь у него есть доказательства против нас... вернее только против Снежного барса. Меня то с тобой ничего не связывает.

- Что еще слышно от Шин Си Хёна? – сменив неприятную тему командир парчовых стражей. – Неизвестно, когда он собирается возвращаться домой. В свою прекрасную родину столицу?

- Я не уверен, что он считает Китайскую империю своим домом... воспитанный на чужбине, но если ты спрашиваешь про новое предсказание, то я мог бы озвучить тебе его.

- И что говорят нам звезды?

- Что столица скоро утонет в крови.

- И когда же это произойдет?

- Это в первую очередь зависит от того, сможем ли мы контролировать канцлера, перетянуть на свою сторону большинство министров и подчинить своей воле императора... но если ты о конкретных сроках... то когда придет Время Темной звезды.

- Пресвятое божество, ты опять говоришь загадками! А если поподробнее? – с любопытством задал уточняющий вопрос командир.

Ему ответили с улыбкой и цитатой из письма:

- «По природе своей есть тот, кто толкует звезды на небе, тот кто блуждает среди звезд, и тот, кто следует воле небес». Там была еще его подпись в конце записки: «Милосердный путь благороден» - звучит как насмешка над будущей судьбой Чанъяня. Вот и все новости от милосердного пути.

- Утопить Чанъянь в крови – его тайное желание? Где же его благородство?

Оба посмеялись над хорошей шуткой.

- И кому как не нам, понимать, что это означает... лишь бы только императорский цензор снова не вмешался в наши тайные дела.

- Не помешает, не беспокойся! Я слышал о новом императорском указе... что его отстранили от обязанностей на целых три месяца.

Командир присвистнул:

- Отличный шанс избавиться от него!

- Не пока он находится в столице... - наставническим тоном сказал звездочет. – И пока он без надобности Главе – пусть пока наслаждается заслуженным отдыхом...

И вновь оба беседующих человека беззаботно рассмеялись, легко рассуждая и властно распоряжаясь чужими судьбами.

- Ты ведь знаешь, как жестко его пытали, когда поймали там, где не ждали. Но оказалось, что этот полуслепой инспектор не так-то прост. Я все удивляюсь, как человек мог такое вытерпеть и остаться разумным? Как он выжил вообще остается загадкой! Его будет проще сломать, чем согнуть в нужную сторону.

Отодвинув неприятную тему Янь Ши Фань наметил для своего друга новую тему:

- Кстати, у меня было время подумать. Наш глава – Ши Си Хён – это его корейское имя и фамилию, дословно означающее: «Идущий по звездам». Хотя вроде я здесь звездочет. И

«посвятивший себя милосердию». Я пробовал перевести его на китайский манер...

- И что? Получилось? Что получилось в итоге?

- Я не силен в других языках, - пожал плечами звездочет, тяжело вздохнув. Но получается – Гуань Дао Шэн. Никого не напоминает?

- Вечно путающаяся под ногами ищейка?

И словно подтверждая сказанные слова, яркие звезды Чанъаня, горящие холодным блеском, подмигнули. Скоро эти холодные звезды станут свидетелями страшных событий...

[1] Час свиньи – с 21-23 ч

Часть 1 ЯРКИЕ СНЫ

ЯНШО. Глава 1. Проклятие темного духа Гу.

«Самый простой способ узнать хороший это город или плохой – попробовать местной еды».

Фраза, сказанная Ван Би Эр перед въездом в деревню Яншо

Находясь в поместье, цензор читал уже второе присланное письмо, которое ему сейчас принес слуга. Колонок вертелся под ногами, терся у ног, словно ласковая кошка, начиная терять терпение, выпрашивая какое-нибудь лакомство, но не кусал хозяйские многострадальные ноги. И несмотря на то, что его хозяин далеко не все время жил в старом поместье, он признавал лишь его своим хозяином, любил его больше всех людей, и слушался его лучше других, с удовольствием прибегая к нему даже без зова.

Первое письмо от престарелой главы семейства оказалось весьма забавного содержания, хотя с нагнетанием обстановки, царящей дома в Яншо. Лэй Чан, обеспокоенный состоянием цензора, зашел его навестить и уже вместе с Жожо прочитал письмо, над содержанием которого они вместе посмеялись, а цензору было не до смеха.

Говорят, старших нужно почитать... и в этот раз ему не отвертеться от небольшой поездки, потому что, если он напишет в ответном письме, что не может навестить свою старенькую бабушку по причине болезни, это вызовет еще больше вопросов и беспокойства с ее стороны, и не приведи боги, сама приедет к нему гости. А куда? В заброшенное поместье, где в порядок приведена лишь одна комната, в которой он жил и приемная, ну еще внутренний двор вроде бы подметен.

Еще говорят, что «стены родного дома лечат лучше всего», а раз ему все равно нужно поправить свое здоровье и хорошенько отдохнуть не стоит упускать такого шанса, как поездка в родные края.

Но Гуань Шэн слишком отчетливо помнил дом, где на каждом углу где только возможно размещены ивовые ветки в качестве защиты от напастей. По всей территории двора развешаны отгоняющие злых духов амулеты, на каждой двери, на стене в каждой из комнат были наклеены талисманы, купленные у колдунов-шарлатанов. Бабка так боялась сглаза и порчи, лишаящих благополучия и процветания, что просила слуг скупать все подряд. Это крайне странно выглядит для людей, не знакомых с причудами старой беспокоящейся женщины, которая считает, что ее дни сочтены.

Ну что ж, если выдвинемся в ближайшие дни, то как раз они еще успеют приехать ко дню поминовения предков, чтобы успеть навестить живых.

Следующее письмо тоже оказалось пришло ему от бабушки по линии его отца. Создалось такое впечатление, что каждый раз она забыла, что уже писала до этого. Содержание письма мало чем отличалось от первого и было достаточно коротким, но Гуань Шэн перечитал его несколько раз:

«Внучок, надеюсь судьба к тебе милосердна, а путь твой также благороден. Что-то давно тебя не видела. Неужели позабыл меня, совсем не интересуешься семейными делами. Мне кажется мои дни сочтены...

Приезжай ко мне на день поминовения. Жду тебя, моя тыковка».

Понятное дело, почему у других это письмо вызвало такой громкий смех. Тыковкой, а вернее Сяо Пинь его называли домашние лет двадцать пять тому назад, и никак меньше, когда ему было девять лет. Потому что в десять лет он как-то возмутился против этого дикого (но жутко милого) прозвища, с просьбой относится к нему как взрослому. Дети, знаете ли, странные существа – они желают жить взрослой жизнью, еще не зная как устроен этот самостоятельный мир...

Как бы ему ни хотелось не ехать, делать нечего, надо проведать старушку, ведь старшее поколение надо уважать, пренебрежение проявлять никак нельзя. Тем более с тремя месяцами отдыха, во время которых он все равно отстранен от службы нужно было как-то распоряжаться, а в последние дни он только и делал, что страдал от скуки, не имея новых впечатлений. Небольшое путешествие позволит ему отвлечься

от пережитого, а горный воздух поможет восстановить силы.

Поняв, что никого не дозвется, цензор встал, все еще прихрамывая на одну ногу и направился на поиски своих людей, разбредшихся по поместью. Найти хоть кого-нибудь одного, чтобы собрал всех остальных. Бегать в поисках каждого было ему еще не по силам.

Жо-жо он нашел в подсобном помещении рядом с кухней, где она на весах отмеряла травы по ей одной известному рецепту, а лишнее откладывала по разноцветным шелковым мешочкам, делая заготовки на будущее, видимо до сих пор разбирается в недавно принесенных подарках Лэй Чаном.

Шэн встретил ее долгим испытывающим взглядом.

- Шэн? – отвлекшись от манипуляций за столом, она подняла голову на хромающего. Женщина заметила легкую блуждающую улыбку на его лице, заметную не только на губах, но и в глазах.

- Ты бы позвал, зачем идти? – удивилась Жо-жо.

- А я звал.

- Ох, значит я ничего не слышала.

Увидев ее, его глаза загорелись блеском, словно они не виделись целую вечность, однако, хотя это было всего лишь вчера. Теперь, когда они смотрели друг на друга без той неудобной неловкости, которая иногда возникала, когда они были наедине и ей, как лекарю раньше приходилось касаться его тела, лишь освобождая от одежд, теперь же между ними не было никаких стен. Он улыбнулся шире и сказал:

- Собери всех за столом. Я получил еще одно письмо от бабушки и должен съездить в Яншо. И никаких «НО»!- зная ее, и предвидев, что она скажет, цензор подошел ближе и притянул ее к себе за талию для поцелуя.

- Что за срочность? - жадно дыша, потому что не хватало воздуха. – Вам нужно больше отдыхать – Ваше тело еще не оправилось от ран.

- Разве? Разве не крепкое здоровье я демонстрирую Вам с Янь Фэй-Фэй каждую ночь? Честно, я уже устал безвылазно сидеть в поместье. Днем здесь совершенно нечем заняться когда нет никаких дел.

- Но... - начала она, но он снова заткнул ее губы поцелуем, затем он продолжил за нее:

- Ты все-таки сказала «но» и это меня расстраивает, ты знаешь об этом? - сказал он целуя ее в шею.

- Но Шэн, ты и покинуть дом не в состоянии, потому что еще не оправился и хромаешь сильно.

- Просто я уже засиделся в этих четырех стенах, и стоит больше бывать на свежем воздухе под солнцем.

- Я тебя еще и уговариваю! Ты уже все решил.

- Так что зови всех, - повторил он, ласковым шепотом дыша в ее ушко.

- Хорошо, я позову. Но не факт, что ОНИ Вас отпустят...

- Куда они денутся, мы же поедем все вместе!

- Надеюсь, ваша новая задумка не опаснее предыдущих!

- Уж точно безопаснее! – подмигнул мужчина своей жен-

щине.

Сколько бы внимания и ласки он не уделял ей – все равно этого недостаточно, он это прекрасно понимал, но делал все что мог. В его сердце все еще жила любовь к другой женщине.

Жожо ушла, и как только ее тонкая фигурка скрылась из виду цензор опустил на скамью. Он был еще так молод, но чувствовал себя таким уставшим. Левое колено болело, правая ступня снова опухла от ходьбы и ныла. Достаточно геройств на сегодня, он в конце концов преодолел лестницу.

Фэй-Фэй вернулась после тренировки вместе с мечом и сияющими глазами, как всегда бодрая с боевым духом. Она положила меч рядом с собой и села рядом, по левую сторону от цензора. Справа села Жожо. Ван Би устроился напротив по середине, заняв почти половину скамьи. В кресло рядом сел старик, следящий за садом. Все были в сборе, даже колонок, которого цензор поднял на колени, чтобы почесать лоснящуюся спинку, и цензор начал говорить:

- Как Вы знаете, до меня снова дошло письмо от бабушки по отцовской линии. Бессмысленно скрываться... к тому же она живет в Яншо, а там чудесная природа и наивкуснейшая еда...

Он приготовил слаженную речь, которую озвучил далее вполне убедительно, приказав всем собираться для путешествия, захватив самые необходимые вещи, уложить их повозку и приготовить еду и корм для лошадей в дорогу.

- Надеюсь сами Вы поедите в крытой повозке? – уточнила Фэй. – в вашем то состоянии лучше воздержаться от поездки верхом.

- Конечно. Мне еще рано так геройствовать, - добавил он помедлив и перевел взгляд на садовника.

- Поэтому, оставляю дружище поместье снова на тебя. Следи за огнем, не оставляй без присмотра. Еду для тебя и свежее мясо для колонка будут приносить каждый день, так что тебе не придется покидать поместье. Однако тех, кто поедет со мной – я обязан предупредить о кое чем важном...

Все застыли, глядя на цензора, боясь перебить или вставить слово.

Он коснулся забинтованной руки и прикусывая губу, сказал:

- Моя бабушка по отцовской линии преклонного возраста и немного не в своем уме. В силу возраста у нее имеются большие проблемы с памятью. Она будет говорить странные вещи, не поправляйте ее и соглашайтесь со всем, что она Вам скажет, чтобы не обидеть. Она действительно верит во весь тот бред, что говорит.

- Ты собрал нас всех здесь, я думал, чтобы сообщить печальную новость, я думал ты поедешь вступать в наследство, - облегченно выдохнул Би Эр. – Фух, все не настолько страшно.

- Я Вас предупредил, так что потом не удивляйтесь. Сами все скоро и увидите. Я не мог не сказать Вас об этом заранее.

Поэтому, не удивляйтесь там ничему. Она не всегда была такой странной, но в силу возраста, увы... - немного неловко было признаваться перед самыми близкими людьми и будто бы оправдываться. Эта тема была ему неприятной, и он постарался скорее закончить, чтобы больше ее не касаться.

- Тогда понятно, откуда эта дурная наследственность, - пробубнил слуга и что-то еще себе под нос, спеша удалиться по своим несущественным делам, а сам наверняка завалится спать.

- Что ты там сказал про дурную наследственность?- цензору хахотелось догнать его и дать пинка, но он не мог. - Ты знаешь, что по законам империи - оскорбление чиновника первого ранга карается обрубанием языка, и это в лучшем исходе, в худшем – казнью через повешенье.

- Зануда! – прокричал ему вслед слуга, недовольный, что нужно куда-то ехать, собирать и таскать вещи.

Когда помощники собирались в дорогу, пакуя вещи, они даже не представляли, какие судьбоносные встречи их ждут в Яншо.

Фэй ковырялась в ногтях ножом для вскрытия писем и откровенно скучала пол дороги. Слуга перебрался на козлы и болтал с остановившимся напротив извозчиком. Было слышно, как он жаловался и сетовал на свою жизнь, словно какой-то старик, у него болела спина и поясница и в животе было пусто.

В какое-то мере его причитания были вполне обоснован-

ные. Деревенька Яншо не дотягивала до названия города и по сути своей была именно деревней, расположенной в горах среди живописных мест. Сюда в глухое и забытое богами место приезжали поэты, чтобы снискать вдохновения среди гор, рек и озер. Несмотря на то, что Яншо не славилось множеством храмов, здесь располагалось множество святилищ, и туда приходили странствующие монахи для медитации, поэтому неудивительно, что на дороге постоянно кто-то встречался.

Жохо захватила с собой трактаты и о травах и сейчас уже пролистала третий том. Цензору всю дорогу хотелось спать, он постоянно проваливался в сон, но не глубокий и ненадолго, возвращаясь в реальность. В повозке всегда трясло сильнее, чем паланкине и для сна не доставало комфорта. Цензор проводил время в дороге за вспышками любопытства, иногда выглядывая за занавеску. Они устраивали остановки в безопасных местах и тогда наступало время пить очередное лекарство: для повышения жизненных сил, для восстановления жизненных сил, укрепляющее, тонизирующее, для гармонии энергий ян и инь. Последнее было особенно кислым, оставляя послевкусие горечи, вызывая кашель и тошноту. Правое запястье перестало вызывать острую боль при движении, но рука все еще оставалась слабой. Но общее состояние можно было уже назвать сносным, а не вполне терпимым. Стало поинтереснее, когда они достигли границ провинции Яншо.

Путь-дорога была неблизкой, но не затянулась надолго. В пути они провели ровно два дня и две ночи, прибыв на расвете пятого дня.

Никто из сопровождающих цензора никогда прежде не был в городе Яншо, поэтому все были удивлены, что такое необычайное по своей изумительной красоте место существует в мире. И правда, древнейший город Яншо, расположенный на юго-востоке империи, словно соткан из мельчайших подробностей самых ярчайших снов его жителей. И лучше этот сон увидеть собственными глазами наяву.

Проезжая мимо знакомых окрестностей, цензор впервые за очень долгое время пожалел, что обладает узким обзором зрения. Сейчас, глядя на здешние родные красоты, он бы каждый день любовался только этой красотой, что радует глаз с любой стороны, куда не обратишь взор. Только сейчас ему подумалось, что самая страшная утрата - это была бы полная потеря зрения. Чтобы объять все красоты вокруг и насладиться просторами вдоволь, ему бы очень пригодился второй видящий глаз. Возвращаясь в эти дивные места с утраченным наполовину зрением, было попросту обидно. Когда он жил здесь, проводя свое детство, то вовсе не ценил красот этого сказочного мира, из деревни почти доросшего до провинциального городка, но теперь не имел возможность обозреть все пространство, чтобы полноценно им насладиться. Столько красивых храмов и зданий было отстроено за время его отсутствия, что хотелось бы иметь возмож-

ность их запечатлеть в картине навечно, а не только в памяти

А посмотреть было на что!

Отдельного внимания стоят горы и холмы Яншо, ведь город Яншо состоит из карстового плато, усеянного вертикальными стоящими каменными глыбами, где между скалами струятся многочисленные реки. Как раз таки отсюда, с известнякового пика под названием «пик Билян» открывается прекрасный по своим видам обозрения вид на реку Ли. Пик Билян имеет второе название «Лунный холм», потому что в его центре находится отверстие, напоминающее полумесяц. Это таинственное по своим свойствам место, куда постоянно посещают монахи, буддисты, даоссы, кто за медитацией, кто-то чтобы помолиться, очиститься от скверны или освободиться от всего мирского в яркости красок природы и спокойной обстановке. Главное, что каждый находит здесь то, за чем приходит, поистине – волшебная природная святость!

Чистейшую реку Ли местные жители иногда называют драконьей – она несет свои чистые голубые воды, извиваясь словно водяной дракон между карстовыми холмами. У подножия реки расположены рисовые поля и крошечные малонаселенные деревушки. Крестьяне возделывают здесь небольшие рисовые поля, а в водоёмах ловят рыбу. Надо признать, что рыбный промысел в Яншо процветает, как нельзя выгодно, ведь для ловли рыбы здесь часто используют не человеческий труд, а специально обученных птиц - ба-

кланов, но это зрелище настолько непривычно для подготовленных приезжих, которые никогда такого не видели и даже подумать об этом не могли. Рыбный промысел сказывается на местной кухне. Рыбные блюда встречаются в городе в различных сочетаниях и всегда в изобилии, даже для излюбленных гурманов. Но простые жители больше предпочитают фаршированных улиток, как самое доступное и дешевое блюдо. Однако, надо быть осторожным: для не местных стоимость мясных блюд завышают даже по сравнению со столичными ценами, так как мясо птиц более доступно, а вот свинина здесь считается деликатесом. Зато на улицах полным полно особенных сладостей, причем круглый год, например, круглые пирожные с цветочными и фруктовыми начинками, а для любителей цитрусовых здесь просто настоящий райский уголок.

В самом крупном притоке реки Ли - Юйлун[1], согласно древней легенде, поселился прилетевший из-за моря дракон с огненными крыльями. Юйлун был настолько поражен красотой этой местности, что остался здесь жить. Поговаривали раньше, что это был спустившийся в неба небожитель в облике дракона, который бродит до сих пор, принявший человеческий облик.

В глубине каньонов струятся ниспадающие потоки оглушительных водопадов, в которых утром и вечером стелется от чрезмерной влажности туман, а днем летают полчища разноцветных бабочек, привлеченных ароматом редких цве-

тов, растущих на влажных скалах. Благодаря всегда влажному и теплomu климату, здесь повсюду богатая и разнообразная растительность и изумительные цветы. В то время как таинственные высокие горы хранят тайнства, полные сокровенных пещер, в которые никогда не проникает солнечный свет, из-за чего они стали идеальным убежищем для своих обитателей – летучих мышей, коих здесь тоже множество.

Не слишком удобной особенностью Яншо являлось то, что люди здесь просыпались очень рано, еще до рассвета, в Час Зайца[2], потому что полностью темнеет уже в Час курицы[3]. Они въехали на главную, то бишь торговую улицу Яншо, где располагались постоянные дома и лавки с готовящейся едой.

Жоjo, до этого уткнувшаяся в медицинские записи, наконец отвлеклась, и с упоением рассматривала все вокруг, отодвинув занавесь. Трактаты упали, цветочная закладка выпала, но она совершенно забыла о них и даже не заметила. Цензор подцепил открытую книгу и ненадолго вчитался. На открытой странице оказался рецепт с описанием приготовления мази и ее необходимым составом. Жоjo все еще хочет вернуть цензору зрение. Затем его уже повидавший местные красоты взгляд упал на запись о том, как выявлять нарушения тепла и холода. Далее шла сама рецептура: были перечислены эфирные масла, которые следовало использовать в равных пропорциях: кедровое, виноградное, эфирное масло мяты, далее шло перечисление трав и приправ с правиль-

ной дозировкой: кипарис, тысячелистник, арника, конский каштан, мускатный орех, шалфей, экстракт чайного дерева, эвкалипт, кипарис, гвоздика, последним ингредиентом была камфора.

Данная мазь предназначалась для пораженных болью участков кожи, с обезболивающим и противоотечным эффектом, имеющее сосудоукрепляющие и восстанавливающие действие. Особенно хорошо данное средство помогает при ожогах, а учитывая, что правый глаз потерял всякую чувствительность из-за действия яда и токсинов змеиного яда, то это, наверное, вполне применимо. Гуань не признался Жожо, что ее лечение уже приносит хороший результат - правый глаз иногда по утрам мог различать свет, правда этот эффект пропадал к вечеру.

- Интересное чтение? – повернулась к нему Жожо.

- Безумно скучное. Как ты такое читаешь?

- На ночь перед сном вызывает сонливость. Вам бы стоило попробовать. Отличное снотворное средство! – радостно заверила она его.

- Я лучше приму твоё снотворное или вовсе не буду спать всю ночь, - хитро улыбнувшись и довольно нахально заявил цензор, заставив уши Жожо покраснеть. Она отвернулась от назойливого взгляда и незамедлительно сменила тему, пытаясь охватить как можно больше пространства, глядя из окошечка.

- Почему мы не ездили сюда раньше!? Здесь же так кра-

сиво! — лекарь снова повернулась к нему, спросив, не в силах скрыть своего восхищения.

Цензор не спешил объясняться, не слишком разделяя радость. Для этого были не только объективные причины. Ему еще предстояла встреча, которую он успешно избегал все те несколько лет, ссылаясь на крайнюю занятость службы, имея наглость не являться на поклон к старшим, и думается, это неуважение ему еще не раз припомнят. Он мог бы сослаться в ответном письме на неважное самочувствие, но это только вызвало бы новые вопросы и множество ответных писем. А волноваться в столь преклонном возрасте пожилой госпоже не прибавит здоровья.

Да, здесь было что посмотреть! Древнейшие даосские и буддийские храмы, витиеватые лабиринты пещер, пики вершин на которые не ступала нога человека, кристальной чистоты озера с почти прозрачной водой.

Пока уже обе женщины стали восхищались окружающими со всех сторон деревню видами, слуга продолжал ворчать:

- Мы едем в деревню! Здесь не будет петушиных боев, никто не играет в маджонг, нет порядочной харчевни с горячим вином, скорее всего эти деревенщины даже готовить вкусно не умеют!

«Они еще не знают, ЧТО их ждет по приезду!» - подумав об этом, Шэн Мин усмехнулся.

Теперь и его телохранительница покинула скучную повозку с узким обзором. Телохранительница Фэй теперь сидела

снаружи, имея счастье обозревать все окрестности, ворочая головой направо и налево, любуясь видами, спускаясь с оврага в долину.

Но своему счастью они радовались недолго, они въехали в городскую среду. Стоит заметить, что в этот момент, как раз в очередную жалобу Ван Би, до всех путников добрался ни с чем не сравнимый запах чоу доуфу[4]. Вернее все почувствовали ТАКУЮ ВОНИЦУ, что от нее с непривычки закладывало нос и слезились глаза. Спутники цензора начали поспешно закрывать носы, но было поздно, рукав одежды не спасал от вони, женщины уже стирали выступающие слезы. Лишь привычный к этому родному запаху деревни Гуань Шэн смеялся над внезапной реакцией своих спутников.

Кухня Яншо была довольно странной. Здесь все привыкли есть суп из свиных кишок и вонючий тофу с тушеной капустой на обед.

Да, обычный тофу практически ничем не пахнет и не имеет вкуса. Этот ужасный тофу не зря носил название вонючего тофу. А воняло именно тем самым готовым вонючим тофу, запах которого может сшибить с ног даже очень голодного человека, отбить у него аппетит напрочь и даже лишить чувств. Если Вы никогда не слышали эту непревзойденную вонь, то будьте уверены, Вы ничего не потеряли. Этот запах, напоминающий незнакомому человеку воспоминания обо всем деревенском, особенно в жаркий летний полдень, напоминал ни с чем не сравнимый запах застарелой мочи,

еще чего-то протухшего, немытого тела и знакомый всем аромат сточных вод. И причину этого фантастически сложного запаха можно легко объяснить. Вонючий тофу готовится из соевого творога и длительное время выдерживается в рассоле на основе протухшего соевого молока. Молоко тоже готовится особым образом: наполняется большое ведро чистым соевым молоком из соевых бобов и воды. Ведро с белым и густым забродившим молоком выставляют на улицу и ждут несколько недель, пока оно из чистого не станет мерзким, плесневелым и серым и затем начинают готовить его на гриле, обжаривая в кипящем масле или даже едят просто так.

Насмеявшись вдоволь, наблюдая за тем, как Фэй перебирается обратно в повозку, надеясь что запах внутри не такой резкий, цензор шутливо заявляет, что желает остановиться напротив лавки и купить по порции всем попробовать этого чудесного блюда, все конечно же отказываются, и цензор просит слугу купить лишь одну порцию.

- Вы еще и есть эту гадость будете? – уточняет с ужасом телохранительница.

- Конечно! – уверенно заявляет мужчина. – Это очень вкусно!

Но ему не поверили.

- Пахнет отвратительно! – возмутилась Фэй-Фэй.

- К этому можно привыкнуть, когда его ешь – уже не чувствуешь никаких запахов!

- Неудивительно - просто теряешь нюх! – пробубнил слуга, но его недовольство не осталось незамеченным для господина, за что он и поплатился.

Повозка остановилась и недовольный данным поручением слуга отправился покупать порцию тофу. Он совершил покупку очень быстро, расплатившись и с кислым выражением лица прибежал назад, зажимая нос второй свободной рукой нос, дыша ртом. Даже с его аппетитом и вечно голодным желудком он не рискнул перекусить легкой закуской, любезно предложенной цензором разделить с ним трапезу.

Женщины, тоже спрятав нос за платками, переглянулись друг с другом – неудивительно, что у цензора всегда был такой капризный и привередливый вкус в еде. Кто знал, что ему нравится есть всякую вонючую до тошноты гадость!

Несмотря на специфичность этого блюда вкус был знаком цензору с детства, раскрывался не сразу, а постепенно, приятное послевкусие жаркой остроты разбавлялось щекочущей прохладой благодаря добавлению в тофу мяты.

Здание поместья располагалось вдали от шумных улиц, тут был высажен словно в императорском саду, целый грушевый сад, снежные вишни и китайская слива – локва. Спустя столько лет молодые деревья обросли богатой кроной и сильно прибавили в росте.

Слуги, встретившие у главных ворот поместья молодого господина распинаясь в любезностях, пока другие выстроились рядами в ожидании услужить и оказать помощь, но

непрестанно шептались. Еще бы – столько лет не навещать. Приехал в сопровождении только нескольких женщин, без жены и подарков. Острый слух цензора позволил ему уловить шепотки и несколько сплетен о нем самом: «Приехал к бабушке за наследством, бедный внучок, так надеялся, что госпожа Тан наконец-то упокоилась, а сам то, посмотрите какой-то молодой господин болезненный, полуслепой, бледный да хромой приехал! Проклятый внук, похоже он даже раньше своей бабки покинет этот свет», и другое неприятное в этом же духе.

Да, здесь ему будут не особенно рады, хоть и окажут гостеприимство. Он виноват в этом частично сам, но еще и злые языки делают свое грязное дело, распространяя слухи о родовом проклятии гораздо дальше пределов поместья. Он действительно приезжает в Яншо крайне редко и в основном по нужде или каким-то старым семейным делам. Впрочем, он и сам не в восторге от распространяемый самой госпожой поместья всяких глупых суеверий о насланной кем-то семейной порче. Но Госпожа Тан стара и больна, бубнит словно недовольный бабун дни напролет своим легковверным слушателям – слугам, готовым поверить во что угодно, лишь бы история была занятная, о чем потом приятно посудачить и посмеяться в трактирах.

К сожалению, он успел лично убедиться в этом, до его острого слуха дошли и такие слухи, бесстыдно поднимающиеся на городских улицах, пока они проезжали. Где это ви-

дано, чтобы на городских улицах так смело говорили о благородной семье чиновников, из которой почти никого в не осталось живых!? Да, здесь, в Яншо прощалось многое, пожалуй, даже слишком. Возможно, здесь и об императорской семье говорилось также свободно и что угодно, наверное, даже критика политики не воспрещалась.

Зато в самом доме, как всегда, была идеальная чистота и порядок. На всех поверхностях и мебели вытерта пыль, пол вымыт с утра и еще не успел запачкаться, даже уличные перила чистые, что лаковая поверхность буквально мерцает и бликует на свету.

Служанка пошла предупредить хозяйку поместья, а пока другие слуги предложили выпить чаю после долгой дороги в общем зале для ожиданий.

- Что это? – воскликнула Фэй-Фэй, вошедшая первой перед господином, едва увидев кругом ивовые ветки в вазах вместо свежих цветов, закрепленные и подвешенные на дверях и стенах, когда слуги, принесшие чай, ушли в соседние помещения.

Цензору не показалось, но ивовых ветвей и правда стало вдвое, если не втрое больше, чем в прошлый его визит. Значит, все стало еще хуже.... Дурные мысли начали лезть в голову.

- Тише! – приструнил ее Гуань Шэн. – Госпожа Тан считает, что ивовые ветки помогают избавиться от нечистой силы и злой порчи. Она считает, что нашу семью прокляли.

- Но учитывая, господин, что все Ваши родственники давно покоятся в земле - это нельзя исключать, - справедливости ради довольно безжалостно заявила телохранительница. Эта жестокость так была на нее похожа. Если и говорить правду, то прямо в лицо, даже если она и прозвучит оскорбительно.

- Но я-то пока жив, - урезонил своего телохранителя цензор. - И Госпожа Тан тоже.

- Вам обоим просто повезло, - хмыкнул слуга.

- Ох, видели бы Вы себя со стороны, - грустно вздохнула Жожо. - На честном слове ведь держитесь.

Немного нервничая от предстоящей встречи с бабушкой Шэн Мин чувствовал озноб и все еще никак не мог согреться, грея руки об горячую чашку.

- Да неужели ты веришь в подобную мистику, а Фэй? Что можно испортить проклятием жизнь одному человеку или даже целому роду? Жожо, неужели ты тоже веришь в эту брехню?

- Не могу отрицать намерения дурного глаза, - серьезно ответила Жожо, допивая чай Да Хун Пао[5]. - Существуют же всякие шаманы, предсказатели судеб, и они не мошенники.

Пока они пили чай, цензор имел возможность оглядеть щепетильным взглядом всех своих спутников и от него не укрылись мелкие детали. Подол белого платья Жожо внизу стал грязно серым, полностью покрывшись дорожной пы-

лю. Жожо все еще носила белоснежный цвет, которые носят лекари при осмотрах больных. Но хозяйка поместья скорее всего подумает, что в ее семье траур[6] и к обеду предложат постное траурное угощение и с этим ничего не поделаешь.

Фэй была одета в черное платье, под которым угадывались черные штаны, такую одежду носили мастера мечей, чтобы кровь на их одежде не была заметна врагу. При этом она носила на поясе меч, что для женщины было довольно необычно, ведь мастеров меча среди женщин это редкость, особенно в глухом краю, в который они приехали. Мало того, что вид меча не уместен в родных стенах, так еще и ее взгляд темных коварных глаз был также пронзительно холоден, так что близко к ней и на несколько шагов никто не подойдет - никто не захочет иметь дело с острым лезвием ее меча.

И завершением был его слуга. К внешнему виду своего Ван Би у цензора как ни странно претензий не было. Всегда с гордо набитым брюхом, он словно важный голубь, заполнивший зоб, нервно расхаживал взад-вперед, действуя всем на нервы своим хождением туда-сюда. Часто пренебрегающий своими обязанностями болтун и страшный лентяй, которого после каждого приема пищи всегда тянет ко сну. Какой позор для господина содержать такого негодника.

Гуань не стал просить женщин с дороги переодеться, но они сами наверняка хотели помыться и переодеться с дороги. Однако, это подождет, потому что следовало выказать уважение хозяйки этого дома. Так что в первую очередь им нуж-

но было поприветствовать хозяйку, познакомиться, а потом уже все остальное.

Но тем не менее, несмотря на все мелкие недостатки этих людей, достоинства гораздо их превышали. Сейчас, сидя в деревянном кресле он в который раз осознал и пришел к такому выводу, что без этих людей в своей жизни цензор уже не представлял. Он имел дополнительные руки в своей непростой работе и незаурядные умы, иногда наталкивающие его не подсказки или разгадывание очередного непростого дела.

Стоило не отвлекаться на мысли, а подумать о насущных вещах. Госпожа Тан боялась острых режущих вещей, которые могли нанести вред, и было бы правильным попросить телохранительницу оставить этот меч в этом зале, чтобы не беспокоить бабушку.

В этот момент двери главного зала открылись и их с почтением пригласили внутрь.

Бабушка стала еще ниже его ростом, похудела, а складок и морщин прибавилось на ее лице, но уверен, что ее душа осталось трепетной и заботливой, как и в прежние годы.

Гуань Шэн опустился сначала на одно колено, затем опустил второе, склонился корпусом на скрещенные руки, сложенные на пол и сделал первый поклон, затем, преодолевая боль в колене, второй, и чуть не шипя третий, уже мучительный. Как после такого подвига еще и подняться?

Бабушка поднялась с кресла и ринулась поднимать внука,

коснувшись его плеча.

- Зачем в таком ужасном состоянии ты приехал? – спросила она своего внука.

- Выразить почтение, - ответил цензор. – Я беспокоился.

- Да я еще тебя переживу! – заверила его госпожа Тан Инь, помогая подняться. – Посмотри сколько у меня еще сил!

Действительно, ее физическое здоровье было удивительно для ее восьмидесяти семи лет, она без труда помогла подняться ему с пола.

- Что с твоим правым глазом, А-Мин? Сизый, бледный какой-то.

Не найдя, что сказать бабушке, цензор отмахнулся:

- Это долгая история.

- Я с удовольствием послушаю! – заверила его Инь. -Мне некуда спешить – впереди только холодная могила.

После официальных приветствий и поклонов старшему поколению цензор был приглашен на трапезу, а его слуги должны были удалиться.

- Твои служанки могут поесть на кухне, - распорядилась Госпожа Тан.

- Они не мои служанки!

- Тогда они твои наложницы?

- Да, я хочу присвоить им официальный статус, - заявил цензор, отчего Госпожа Тан опешила.

- Почему ты приехал без своей жены?

- Потому что ее нет в живых, - выдавил с трудом через

себя цензор.

- Но тогда получается раз ты не женат, у тебя не может быть наложниц! Это не подобает чиновнику вести столь низменный образ жизни! – запричитала она.

- Значит, в скором времени мне придется жениться...

- Гуань Мин, ты такой худой – видно как плохо ты питаешься! Повара твоего надо наказать – двадцать ударов палкой, никак не меньше! Твой слуга такой толстый, потому что объедает тебя, - сетовала она и причитала. - И служанкам твоим дать сорок ударов плетью за то, что не кормят!

- Сяо Пин, как же ты плохо одеваешься, у тебя даже нет теплых вещей! - заладила свое любимое старуха. - Плохо обучаешься и поэтому постоянно мерзнешь!

У старой госпожи иногда случались затмения. Она начала относиться к своему внуку, называя его детским именем, вновь считая его маленьким ребенком.

Что еще было страшно, с годами старуха стало плохо слышать и гнусно перекинула все его сказанные слова.

По просьбе цензора его помощникам было позволено сесть за отдельным столом и им тоже принесли еду. Вернее, это цензор не желал оставаться наедине со своей бабушкой, ища моральной поддержки в своих близких союзниках. Они наконец могли позволить себе отдохнуть за хорошей едой и вином, но атмосфера была слишком неподходящей для отдыха, Госпожа Тан продолжала говорить странные вещи и в воздухе висело напряжение, сгущаясь как молочная дым-

ка утреннего тумана, наполнявшего эту долину. Помощники лишь молчаливо наблюдали, не в силах помочь с проблемой, которую цензор должен уладить лично.

- Я так давно тебя не видела! Скажи мне, как ты поживаешь Сяо Пинь? Хорошо ли учишься? Наверняка твои наставники тебя хвалят.

- Я уже давно не учусь! – Шэн попытался образумить женщину. – я уже давно не ребенок! И не называй меня этим детским прозвищем.

Но женщина помахала рукой, словно отгоняя назойливую муху от себя.

- Нет-нет, ты должен слушаться и усердно учиться, не отлынивая. Ведь если будешь плохо учиться, то никогда не станешь чиновником! – сказала она.

За соседним столом Ван Би с полным ртом еды усердно крутил пальцем у виска. Цензор погрозил ему пальцем. Они все здесь похоже немного не в себе.

- Я уже выучился и сдал государственный экзамен на чиновника. Мне сейчас тридцать четыре года и за десять лет я дослужился до первого, самого высокого ранга, - напомнил он ей вновь, что уже давно не является ребенком, которого она еще видит перед собой. – Я состою на службе у императора и выполняю порой даже личные поручения императорской семьи, - похвастался цензор, впрочем, понять его достижения мог не каждый. Лишь тот, кто был в своем уме.

До его помощников резко дошло, почему он так редко на-

ведывается к оставшейся в Яншо единственной родне. Видеть такую родню редко было ценно, сохранишь и время, и нервы, и силы. Столько терпения надо! А ведь цензор приехал сюда только с одной целью – отдохнуть, восстановить здоровье и набраться сил. В такой компании это будет весьма проблематично.

- Правда? – переспросила она.

Но Гуань рано обрадовался, женщина перебила его не просто из любопытства.

- Я столько раз говорила тебе не дружить с кем попало! Твоя эта дружба до добра не доведет!

- Я говорю не про дружбу, а службу. Я помогаю Верховному цензору с делами, а также тайно выполняю поручения Его Величества, - внук не стал уточнять, что в это входит шпионаж, из-за которого он так сильно пострадал и прятал руку с еще не отросшими ногтями. Впрочем, если не сегодня, она все равно заметит рано или поздно.

- В прошлом году я ездил на мамину родину - в Лоян. Там растут самые большие и красивые пионы.

- Я всегда это знала! -подтвердила она, кивнув. - Там на юге страны все шпионы! Там за ними нужно особенно следить.

Кажется, она ввиду плохого слуха путала слова, например, как вышло со службой и дружбой, с пионами и шпионами. Потом, кажется, ей вновь стало лучше. Она поддержала разговор о его последних делах, о возможно повышении в

недалеком будущем, а потом начала говорить о его скорой женитьбе.

- Внучок, почему ты не женишься до сих пор? Я очень люблю детей. И мне хочется на старость лет хоть немножко понянчиться с внуками, пока жива, - начала пилить она, заладив новую весьма болезненную тему. – Неужели со здоровьем у тебя настолько непорядок, что ты даже не можешь завести жену?

Совсем пристыженный гнусными словами безумной старухи цензор даже не нашел, что ей ответить сходу. Каким бы ни был его ответ – ее он не устроит, и он решил сменить тему на другую.

Наконец все поели, трапеза закончилась и все пошли мыться и переодеваться, провожаемые слугами из поместья. Цензор тоже. Он принял ванну с морской солью и расслабляющими травами можжевельника и сразу почувствовал себя лучше и бодрее.

Расстроенный состоянием своей бабушки, Шэн Мин вернулся в свои собственные покои раздраженный, надеясь найти немного утешения и может быть даже ласки, но не найдя там ни одной из своих «наложниц», Гуань обратил внимание на раскрытую книгу, оставленную на столе. Видимо, это Жожо читала до того, как ушла куда-то.

Жожо читает очередной скучный трактат о лекарствах?

Но это была другая книга. «О семейных проклятиях, темной магии, порчи и предсказаниях» гласило ее название.

Шэн Мин знал Жожо, как довольно серьезного человека, не верящего в шаманизм и колдовство. Отрытая страница рассказывала о Темном духе Гу и его влиянии на разум проклятого человека.

«Поскольку призраки считаются главными виновниками болезней человека, их изгнание и отвращение одно из первых составлявших искусства врачевания» - прочитал Мин и вместо того, чтобы отложить глупую книгу в сторону, продолжил читать в ожидании пока Жожо вернется.

Как бы ему ни хотелось верить в этот бред, даже он не мог отрицать, что все описываемые в книге симптомы совпадали с его состоянием. Цензор сравнил их со своими, когда ощущал очередной приступ анемии: лихорадка, холод рук и ног, слабость, помутнение рассудка, помутнение зрения, видения, кровь из носа, возможные обмороки.

Цензор продолжил читать дальше, пробегая по вертикальным строкам: «Способов отравиться – тьма. Отравление Темным духом Гу сродни отравлению ядом. Лишь одно средство может спасти...»

Но ему была известна причина его болезни – его отравил яд китайской кобры. Сильнейший яд, который должен был убить его, но не убил, оставшись в крови в виде токсинов и до сих пор причиняет вред его телу и разуму. С ним можно бороться, но нельзя победить до конца. И никакой Темный дух Гу здесь ни при чем!

Гуань яростно закрыл книгу, заслышав шаги.

Жожо вернулась, сменив белые одежды на желтое платье с зеленым поясом и рукавами цвета нежной зелени, но едва увидев господина с книгой в руках, она выскользнула из его рук, упав на колени.

- Что это такое и как оказалось у тебя в руках?! – в гневе цензор бросил книгу на пол перед замершей женщиной, рухнувшей от испуга на колени с опущенной к полу головой. Она впервые увидела, чтобы цензор повышал голос и сильно испугалась.

- После трапезы Госпожа Тан дала ее мне почитать, узнав, что я Ваш лекарь, - наклонившись, коснувшись лбом пола, призналась она.

- Как ты можешь читать подобные глупости!? Старая женщина глупа и сходит с ума от старости и одиночества! Незачем потакать ее бредням, которые она рассказывает!

- Она заботится о Вас... - начала оправдываться Жожо, но цензор грубо перебил ее.

- Никакого Темного духа Гу не существует!

- Господин, это Вы так думаете! – Жожо вскинула голову и поднялась с колен. – Вы безрассудны в своих поступках! Обожаете логику, но не в силах отступить от голоса разума ни на шаг! В мире есть вещи, которые нельзя объяснить! Которые даже Вы объяснить не сможете! Я знаю это как никто другой! И много наслышана об этом Темном духе Гу! Я была послана в Ваше поместье императорским лекарем в качестве его помощницы и замены, чтобы готовить отвары и делать

примочки для глаз. Подумайте сами, как бы человек, отравленный смертельным ядом китайской кобры мог остаться в живых без противоядия! Когда случилось это происшествие противоядия не оказалось в лекарской сумке!

- Прекрати!

Но Жожо была решительно настроена и неумолима:

- Человек при таком отравлении мог остаться в живых, только в одном случае, если уже принимал подобный яд и имеет к нему иммунитет. К тому же, стоит учитывать, что вся Ваша семья погибла или умерла при весьма странных обстоятельствах...

- Хватит! – резко оборвал ее цензор. Он устал слышать подобный вздор теперь уже от своего врача.

- А Ваша мать покончила с собой, жена утонула в озере и ее тело так и не нашли...

- Замолчи! Я больше не желаю слышать эти глупости! Тем более от тебя! Я думал, ты разумная женщина! Я в тебе крайне разочарован.

Но женщина продолжала говорить, развивая начатую тему, спорить с ним, настаивая на обратном. Она тоже повысила голос, осмелев, чтобы ее мнение услышали и с каждым произнесенным на тон выше словом немилосердно резала слух своего господина все сильнее:

- Темный дух Гу могла создать только женщина! Этот враг скрыт в тени, ненавидит Вашу семью и все еще хочет отомстить! Женщина, не принадлежащая к роду Вашей семье,

но желающая загубить весь род и у нее это почти получилось! Цензор, одумайтесь! Сосуд с Темным духом Гу спрятан где-то здесь в этом доме! Вы, как никто другой лучше всего знаете это поместье, скрытые места, где можно было спрятаться ребенком, это может быть скрытая от чужих глаз ниша, под крышей или в подвале в каком-нибудь укромном закутке. Несмотря на все предостережения и ивовые ветви – это не спасение, а лишь временная мера...

- Замолчи! Перестань! - он был почти готов убить за произнесенные гнусные слова! – Прекрати!

Цензор был так зол, кровь ударила ему в виски, отчего ему показалось, что уши набиваются соломой от глупых слов глупой женщины, что ему хотелось ударить ее, лишь бы заставить молчать. Было похоже на то, что она говорила, веря в то, что говорит истину. Убил бы, не будь она в какой-то степени права, но, отметая все ее разумные доводы относительно темного духа Гу и родового проклятия так невыносимо было бы признать, что женщина возможно права...

- И мы должны найти этот ядовитый котел или сосуд, пока еще не поздно! Чтобы напасти на Вашу семью наконец прекратились! Чтобы Вы жили и могли освободиться от преследования Темного духа Гу! Чтобы Вы смогли продолжить свой род и спокойно спать по ночам, а не просыпаться, крича от очередных кошмаров.

Откуда она столько всего знает?! Это тайны его семьи! Разгневанный цензор ощутил дурноту от гнева, перед его

взором на миг все потемнело заволокло темнотой. Но он не свалится в обморок от этой всепоглощающей ненависти, он станет защищаться от исходящей угрозы. Это все болтливый слуга, которому стоит отрезать язык за его разговорчики! Надо убить и его тоже!

Гуань Шэн не успел осознать произошедшее, как его рука неосознанно потянулась к пучку волос на затылке, в который была воткнута шпилька с острым концом (его тайное оружие, с которым он никогда не расставался), которая удерживала его тяжелые длинные волосы. Это маленькое лезвие он использовал как кинжал и вот он очень отчетливо представил, как прижимает лезвие к шее Жожо, одурманенный гневом за то, что они напомнила ему о потерях и о том, что его семя бесплодно.

- Хочешь убить меня! Вперед! - кричала Жожо. – Но я говорю правду, которая Вам неприятна и потому режет слух, привыкший лишь к лести вороватых чиновников и изысканной музыке!

На шум и крики прибежала Фэй-Фэй и слуга.

Поднять руку на женщину... как он мог до такого опуститься? Может быть, он и правда проклят, не в себе, раз не владеет собой? Вдвоем им удалось разнять дерущихся людей, пока гнев цензора не навлек больших бед. Жожо зажимала порез на шее, хвала богам не глубокий, если бы он целился в сонную артерию, она бы уже не дышала.

Пока Фэй-Фэй помогала обрабатывать и заматывать порез

на шее Жожо, она кратко пересказала, что произошло в покоях разгневанного цензора, которого слуга отвел подышать отрезвляющим глубоким вечером холодным воздухом.

- Это все влияние Темного духа Гу! Я не помню, чтобы он когда-нибудь вел себя так грубо. Его влияние здесь в разы сильнее, когда он находится рядом с источником! Господин может и дальше совершать необдуманные поступки, о которых потом пожалеет! Нельзя оставлять его в одиночестве! Он может окончательно сойти с ума! – потом немного успокоившись, она рассказала вернувшемуся Ван Би и Фэй про спрятанный где-то в этих стенах сосуд с Темным духом Гу[7].

- Ты будешь искать спрятанный сосуд?

- Конечно! Я завтра же с утра начну его поиски! Из-за него цензор не в себе!

- Ты думаешь слуги по велению Госпожи Тан еще не искали этот ядовитый сосуд за столько то лет? – справедливо замечает Фэй. – Может он вообще замурован в стене? Ты же не разберешь семейное поместье по кирпичику?

- Я буду стараться! Обыщу каждый уголок!

- Тогда если ты найдешь этот сосуд надо будет обязательно привести его во дворец в столицу – там как раз полно ядовитых гадов! – пошутил Эр, и обе женщины рассмеялись – так близко к правде это было сказано.

- А еще мне известно одно действенное средство против такого пагубного влияния! Оно очень хорошо очищает ра-

зум и придает ясность рассудку! В ближайшее время опробую его на цензоре!

- Хорошо-хорошо. Но тебе стоит подумать и о себе, - воодушевленную Жожо нужно было как-то остановить. — Ложись спать, уже поздно. Я покараю твои покои, а то вдруг ему вновь захочется тебя убить!

- Но господин тоже нуждается в защите. В этом проклятом месте...

- Я останусь с ним и пригляжу за ним. Не беспокойтесь, спите спокойно, - сказал слуга и оставил женщин, чтобы те могли отдохнуть.

Но покой им только снился. Ах, если бы это было так воистину!

Так завершился первый день в деревеньке Яншо. Давно уже стемнело, но только сейчас на городские, обходящие улицы с фонарем и барабаном отбили час Мыши[8] и на небе показалась яркая луна. В свои права вступила ночь.

Выросшему здесь Сяо Пиню в детстве снились сказочные виды Яншо, где сказка является былью, где Небом правят крылатые драконы. Ему снились волшебные цилиндры[9], обладавшие памятью своих прошлых жизней. Журавли-мудрецы, готовые поделиться своими тайными знаниями лишь с избранными. Ярчайшие фениксы, от взгляда на огненное оперение которых можно было ослепнуть от пламенных искр.

Взрослому же цензору в стенах дома снились кошмары.

Были ли они навеяны ссорой с Жожо или самым большим его страхом? Но стены родного дома давили и ослепляли, и словно весь самоконтроль потерялся, накопленный за две недели лечения в столице. И необузданная ярость ослепляла рассудок, заставляя совершать необдуманные поступки. Он уже жалело сделанном, ворочаясь в кровати, но никак не мог исправить ситуацию. Проворочавшись еще с добрых полчаса-час, он провалился в неглубокий тревожный сон.

Это было празднование в канун нового года. Столичные улицы были полны толп вышедшего погулять народа, все время беспокоясь что кого-то заденешь рукавом или ненароком толкнешь. Он был здесь не один, а со своей новой женой, ее имя было созвучно с красивой змеёй[10]. Это был добрый знак. Когда в толпе людей его кто-то толкнул, он не придал этому значения, однако, он упал вперед и прямо перед ним с громким шумом взорвались запущенные праздничные фейерверки.

Только что было ослепляюще ярко и вдруг все поглотила темнота. Молодая жена помогла ему подняться с колен, отряхнула на нем одежду.

- Шэн? – мягко позвала по имени, привлекая внимание. – Все хорошо? – беспокоясь, спрашивает она Лун Ли.

Почему же судьба к нему вовсе не немилосердна, как должна, следуя канонам имени «Гуань Шэн Мин»? (судьба благородного милосердна) Неужели он идет неправедным

путем, настолько неправильным, что Судьба постоянно его наказывает?

Почему вокруг мир поглотила внезапная тьма? Он ослеп?

И сейчас судьба наказала его самым большим его страхом, после страха перед змеями и полностью лишила его зрения?

Гуань Шэн Мин вновь с криком проснулся. Спина его была мокрая от пота, хотя в покоях было свежо и прохладно. Испуганный криком слуга, спавший в соседней комнате, вскочил и прибежал с кувшином воды. Непонятно, зачем он притащил его с собой. То ли предложить господину испить воды, то ли шарахнуть в качестве самозащиты по голове. Учитывая произошедшее, второй вариант более вероятен. Мелочный и ленивый по характеру Ван Эр был человеком эгоистом по натуре, не склонным проявлять заботу о других, беспокоясь лишь о том, как и чем вкусным набить свое брюхо.

Кажется, он догадывался что послужило причиной кошмара.

Ему не давало покоя письмо.

- Мне как раз пришло письмо для тебя из столицы... - сказала Госпожа Тан после того, как его помощники удалились из приемного зала, где они устроили трапезу.

Едва увидев алый цвет конверта с золотистым узором в виде алого феникса, цензор отложил его в сторону, даже не вскрывая. Письмо лишь предложение, которое он вправе одобрить. Что если потом будет официальный указ, от кото-

рого уже нельзя будет отказаться? Что тогда, если кандидатура его не устроит?

Император обещал, что подумает о его награде за участие в деле тайного сообщества Черного дракона. Цензор надеялся на повышение, а не женитьбу, впрочем, одно не могло обойтись без второго, значит первый пункт тоже готовится... Но на сердце было так беспокойно, что он не знал к чему прислушиваться: к голосу разума или к сердцу? Все, кто находился рядом с ним – постоянно пребывали в опасности, вместе с ним, рискуя жизнью.

«Письмо. Это всего лишь письмо», - уговаривал себя цензор, боясь его вскрывать и читать, словно содержимое касалось какого-то другого человека, не его лично. – «Никто не заставляет тебя на ней жениться». Скорее всего в письме будет две бумаги. Одна является нарисованным живописью возможная кандидатура в жены, а вторая: полное имя с описанием внешности и характера.

Он распечатает его не сейчас, а в одиноком убежище, там, высоко в горах, где звезды кажутся ближе, а затем выпьет чарку вина, даже если потом он опьянеет и закружится голова. Там он будет вдали и не сможет причинить вред тем, кого он любит.

[1] Юйлун – переводится как «встреча с драконом»

[2] Час зайца- 5 часов

[3] Час курица – 18 часов

[4] Чоу доуфу – вонючий тофу

[5] Чай «Красный халат»

[6] Белый цвет и простые одежды – считаются траурным цветом.

[7] Сосуд (запечатанный кувшин, бочка или иная емкость, в которую помещаются ядовитые змеи, пауки, ядовитые жабы и другие твари, и выжидают некоторое время, потом открывают и если выжило лишь одно существо, оно и является Темным духом Гу.

[8] Час Мыши – с 23 до часу ночи.

[9] Цилинь – мифическое животное, напоминающее единорога, у него туловище оленя, морда волка, хвост быка, несколько рогов на голове. Согласно древнему преданию и упоминания Конфуция первый цилинь явился из вод реки желтой реки Хуанхэ, куда уходят мертвые.

[10] Красивая змея по-китайски будет звучать как «Сяо Лун Ли»

Глава 2 Каникулы цензора и Час Петуха

«Стоит позавидовать спокойствию воды,
не колеблемой веткой»[1]

[1] Одна из разновидностей дыхательной медитации в индуизме

Знающие люди говорят, что: «Стены родного дома лечат». Ничего эти люди не знают! И дом бывает разный! Такой, в котором невозможно находиться, расслабиться и толком отдохнуть. Жожо он видит не хотел, потому что он еще не простил себя за причиненный ей вред, а извиняться за потерю самоконтроля было слишком стыдно. Лекарь надоела со своей чрезмерной заботой и приносимыми каждодневно и буквально ежечасно горькими настойками, в последнее время она повадилась опаивать своего ненаглядного господина корнем имбиря миога[1]. От Фэй цензор тоже устал, потому что она всегда была рядом и это назойливое внимание было порой излишним. А слуга постоянно болтает, жалуется и ноет, что они уехали в полную глушь и ему хочется снова проводить время с городскими развлечениями, а здесь ему видите ли невыносимо скучно.

Цензор вызвал к себе слугу, позвенев металлическим ко-

локольчиком.

На звук явился не только слуга, но и Фэй-Фэй и цензор быстро изложил им суть дела.

- Собирай вещи, - велел он своему слуге.

- Мы уезжаем!? – с надеждой спросила непрощено явившаяся телохранительница. - Мы со слугой быстренько соберемся! А Жожо пускает остается здесь и продолжает искать свой таинственный сосуд, если ей так хочется.

- Вы останетесь здесь. Только я. Хочу наслаждаться единением с природой и отпустить все мирское.

- Заговорили будто бы буддийский монах. Удаляетесь в место для уединенных размышлений? Чтобы помолиться в этом храме?- с наиглупейшим выражением лица толстощёкий слуга совершенно не понял истинных намерений господина, подразумевая судя по всему отхожее место. -Такова человеческая природа, - подытожил Ван Би, не имея ничего против, но и не поддерживая предложение господина.

- Хочу вновь посетить свое одинокое убежище в горах Яншо! – разъяснил непонимающему ничего с первого раза слуге.

- Только природа, рыбалка и пение птиц и никого больше! – теперь до Ван Эр дошло, что цензор имел ввиду и круглое лицо тут же засияло от счастья.

- Почему только Вы вдвоем? - хмурясь спрашивает женщина, в голосе которой слышится обида.

- Я больше ни дня не проведу здесь! – заявил твердо цен-

зор, не уточняя личных причин. — Я устал находится дома.

- Именно! Здесь совершенно невозможно по-настоящему отдыхать! — уж что-что, а про отдых слуга говорил со знанием дела и многолетним опытом отлынивания от поручений.

- Именно! - подтвердил цензор и напомнил слуге. - И не забудь захватить удочки!

На самом деле Шэн Мин умел и любил отдыхать, кто бы там что ни подумал, что он трудяга, пропитанный трудом до мозга и костей. На едине с природой он, как и любой другой человек находил покой и умиротворение. Сложно было достичь именно одиночества.

Строго-настрого повелев женщинам, его там не беспокоить ни разговорами, ни вниманием, ни своим иногда раздражающим присутствием. Однако, все равно будучи очень настойчивой Жожо снарядила его всевозможными лекарствами, они набили ими небольшую телегу, захватив мешки с провизией на несколько месяцев, как они рассчитывали, сменной одеждой, постельными принадлежностями, теплыми одеялами и другими необходимыми в быту вещами. Слугу цензор заставил ехать на лошади, покупать для него специально осла никто не собирался.

Эти были дни, полные счастья, молчаливой отрешенности, проведенные в полноценной безмятежности и ленивом созерцании окружающего мира. Время, до этого скачущее в галопе, немного остудило пыл, остепенилось, словно замерло в полете, шло размеренно и неторопливо. В некоторые

дни даже слишком медленно. В горах никто не бил в барабан по ночам, выкрикивая ночные часы. С нетерпением ждешь захода солнца, чтобы насладиться вечерней прохладой. Гул насекомых стихает и постепенно сменяется другими звуками: криками встревоженных шорохами леса уток, дразнящим клокотанием лягушек и пением ночных птиц.

Ночью в горах звезды казались холодными льдинками, которые пастух и пастушка раскрошили и перетерли в порошок, а затем хаотично, не стараясь придать картине смысла, разбросали по небосводу, придавая глубину и бескрайность ночному небу, таинственно мерцающему или подмигивающему для любого наблюдателя.

После всего того, что случилось, после перенесенных испытаний ему было велено отдыхать ровно четыре месяца. Другими словами, его освободили от службы, и даже если он полностью оправится за два месяца, то все равно не сможет приступить к исполнению обязанностей, внеся изменения в императорский указ. Подобное будет считаться неповиновением императору.

Здесь неподалеку от озера и серебристых раскидистых ив его ждал маленький домик и летняя хижина, рассчитанная на несколько человек. В доме всего для двоих непривередливых человек было полно места. Здесь был также сарай, где хранились разные инструменты. Когда-то здесь жили слуги поместья и возделывали здесь небольшой огород, выращивали огурцы и батат.

Вокруг только стрекотание птиц и первые желтые лучи солнца. Идиллия для любого, кто ценит жизнь в горах.

В озере, расположенному неподалеку водилась рыба, в том числе карпы, так что удачная рыбалка была обеспечена. Любой мужчина будет счастлив в подобном раю. В первые дни цензор позволил себе расслабиться и ничего не делать. Он не считал эти дни, и они прошли мимолетно. Это было приятно - просто наслаждаться красивыми видами. Куда не повернешься – всюду виды дивные и живописные. Он бы остался здесь жить навсегда. Если бы он был уверен, что здесь его не найдут, непременно бы осел.

Поэтому пятый день мужчина рыбачил на протяжении всего дня, наслаждаясь процессом. Из соседней деревни к озеру прибегали мальчишки лет от восьми до четырнадцати. Купались, тоже приходили порыбачить, они раскидывали свои сети рано утром, а к вечеру возвращались за уловом, были рады пойманным даже самым маленьким рыбешкам. Цензор сидя на хорошо обозреваемом месте видел их счастливые лица, когда перед закатом они собирали сеть, их лица и темные волосы озаряли розовые заходящие лучи солнца. Он трудился на государственной службе ради того, чтобы эти дети были довольны, сыты и счастливы. И видя их искренние улыбки, блестящие от счастья глаза, наперебой хвастающихся друг перед другой собственным отловом, он тоже мог ощутить вкус жизни и разделять эту небольшую радость добычи вместе с ними, ловя себя на этой мысли, был способен

вновь улыбаться.

Но даже прекрасная рыбалка тоже может однажды наскучить. Даже с выуживанием карпов и крупненьких сомиков. В качестве приманки использовался кусочек теста. Когда тесто закончилось, в ход пошли красные кольчатые черви. Это был отличный способ погрузиться в себя, найти душевное равновесие путем ухода от разных мыслей и в конечном итоге обрести благостное состояние, от которого зависит и здоровье, и долголетие человека.

Несколько раз цензор даже застал буддийских монахов, спустившихся с горы, чтобы полюбоваться окружающей красотой и идеалистической гармонией в дали от своих храмов и святынь. Они уходили с озера с полными тарами рыбы, а в качестве наживы монахи использовали пойманных черных тараканов, это навевало на мысль, о том, что в храме царит полный беспорядок и думается не только на кухне.

Но больше всего Гуань Шэня заинтересовал сезонный танец журавлей, выбравших место на выступающем зеленом островке посреди озера. Их заигрывающее курлыканье и встряхивание крыльев с припрыгиванием являлось их брачными танцами. Воистину восхитительное завораживающее зрелище! Подобно этим журавлям никто иной не может сравниться с этим очарованием и легкой гибкостью движения.

Кошмары отступили, но сны продолжали быть яркими и отчетливыми, которые не забудешь по утру, и даже после

обеденной трапезы.

После первых ночей в одиноком убежище ему начала сниться странная лодка. Движимая необъяснимой силой, она плыла сама по своей воле, но против течения так легко и спокойно, как будто, так и было задумано. На лодке стояла неясная фигура и держала фонарь в плетеной корзинке. Не для того, чтобы осветить реку впереди, а словно желая сбегать речь пламя.

К цензору постепенно возвращались силы и аппетит. Ему снова стало можно есть острое и он попросил слугу приготовить ему острый суп с лапшой[2], очень распространенный в Корё и теперь и за его пределами. Слуга спустился с горы, чтобы купить у деревенских маринованной редьки и принялся за готовку.

Нет ничего лучше отдыха и послеобеденного сна, когда ты устал просто оттого, что сытно поел. Едва почувствовав это, слуга завалился спать. Но Гуань Шэн не чувствовал особой усталости. Отдых на природе определенно шел ему только на пользу. Впереди его ждало еще шестьдесят два дня ничего особо неделания – вот так он считал, ибо совершенно не умел распоряжаться свободным временем. Каждый последующий день был похож на предыдущий и такая спокойная, ничем не обремененная жизнь как-то лишалась смысла. Но интерес не пропадал, становясь более жгучим день ото дня. Без привычной рутины было как-то по себе. Рыбалка надоедала, жареная или тушеная рыба особенно. Цензор считал, что

обстояли бы дела иначе, а именно: наоборот, служебные дела и новые расследования помогли бы ему вновь войти в привычное для него русло. А по итогу хоть природа и расслабляла, приходилось все больше замыкаться в себе, если это можно так назвать. Ведь медитировать и вспоминать любимых поэтов тоже когда-нибудь придется.

Ему надоела обыденность предыдущих дней и на следующий день он позволил себе вдоволь выспаться, проснувшись лишь к обеду и доев вчерашнюю рыбу, решил прогулялся, так как делать было больше нечего. Внешний вид не выдавал в нем чиновника, он был совершенно обычным человеком, никем неузнаваемый. Небольшая хромота еще никуда не делась, поэтому большие расстояния ему еще были тяжелы, но прогулка до соседней деревни и обратно явно пошла ему на пользу. Он с любопытством заглядывал за чужие заборы: у кого куры, цыплята, у кого-то даже были свиньи, всякое разное хозяйство, огороды, сады из цитрусовых, кто гусей, кто коз. В деревне он встретил несколько кошек, которых с удовольствием почесал, скучая по своему колонку. Последнее, пожалуй, было самым приятным, хотя кошек цензор не любил. Тем не менее не удержался от соблазна, когда те ластились к его ногам и подставлялись под руку.

Жизнь простолюдина ему нравилась все больше. Сбежать бы от всего... тогда бы он обрел настоящую свободу. Никогда бы не возвращаться в столицу. Новая мечта. Если он сейчас сбежит, то у него есть шанс дожить до преклонно-

го возраста, работать с землей, сажать, пропалывать, целый день проводя на свежем воздухе. Никакой коррупции, про-
дажных чиновников, доносов, убийств, расследований. Он
вдруг представил, что мог бы с легкостью расстаться со своей
прежней жизнью, оборвать все нити в мгновение ока, просто
раствориться в первой попавшей деревушке, где можно бы-
ло бы выкупить дом, небольшой земельный участок и зани-
маться любимыми делами.

Но любому спокойствию рано или поздно приходит ко-
нец. За это время можно легко замести следы и уже не найти
ниточек к улизнувшему из Люджоу Черного Дракона. Пого-
да сегодня тяжелая и до странности жаркая. В пределах го-
рода было тяжело дышать. В придачу периодические дожди
создавали паровой эффект, из-за чего долины были окутаны
туманом днем и ночью.

Как-то раз Гуань Шэн решил порисовать. Рано утром цен-
зор ощутил, что руки желают заняться каким-то иным де-
лом, кроме как держать удочку, а глаза не хотят быть сосре-
доточенными на водной глади и поинтересовался у своего
слуги:

- Ты захватил с собой бумагу?
- Да, господин, конечно же, - Ван Би протянул ему чистые
листы качественной столичной бумаги.
- Вы хотите написать письмо? Сочинить новые стихи?
- А у тебя не найдется уголек? – вдруг спрашивает цензор
у слуги. Ему хотелось нарисовать горный пейзаж в обрамле-

нии рек и озер, достаточно небрежно, но в соответствии с тем, что видит его взор с определенного места.

- Господин, неужели ли Вы собрались зарисовать пейзаж, столь милый сердцу? – как-то уж больно радостно восхитился слуга, роясь в захваченных сумках, которые за все время еще не удосужился распаковать.

- Есть или нет? – нетерпеливо поторапливая, уточнил цензор.

- Да! Вот он! Сейчас достану!

Через некоторое время.

- Остановись здесь, - велит Гуань Шэн.

И вот уже некоторое время спустя слуга отпускает весла и подает господину сложенную бумагу, разворачивает ее, отглаживает загнутые углы. Цензор вытащил уголек и вместо того, чтобы перевести в картину то, что он видит перед собой, а именно прекрасный пейзаж, внезапно рисует портрет женщины.

В ней не было ничего от его первой жены, ничего от Жо-жо или Фэй-Фэй. Женщина сидела на бортике моста. Платье мягкими линиями спускалось до пят, слегка соблазнительно приоткрывая не только лодыжку, но и голень. Длинный разрез платья начинался от середины бедра, что могла позволить себе только развязная куртизанка в публичном доме. Ее точеный профиль с лисьим изгибом бровей и пышными ресницами дополняли слегка приоткрытые губы бантиком, словно для готовящегося поцелуя. Да, она была красива. В

руках она держала ленту от своего пояса на талии. В ее ушах не было украшений. Волосы уложены в строгую прическу и подняты высоко. Несколько ажурных заколок выглядывали из объемных пучков, и несколько небрежных локонов вырвались из прически и спускались на ключицы. По рисунку нельзя было точно определить золотыми или же костяными были украшения в волосах, но явно не дешевыми безделушками, отточенные в строгом изяществе цветов ириса и белоснежных лилий.

- Господин, да Вы - одаренный художник! И почему скрывали такой талант от других!

- Ученый муж должен быть хорош во всем и уметь многое, - не отрицая собственное художественное мастерство, но и не принимая похвалу, отвечает он.

- Теперь, спрашиваем лодочников, может кто-нибудь узнает эту красавицу?

- Подожди, это еще не все.

Портрет был не завершен – цензор это прекрасно видел. Теперь он видел ее настоящую натуру. Правая рука словно заколдованная выводила новые линии, в которых не было и толики от прежнего изящества, однако, женщина приобрела еще более красивый вид, слегка более игривый. А затем изначально нежный и соблазнительный портрет превращался в чудовище.

Он так и не понял, откуда ему пришел этот образ. Он являлся ему в ночных кошмарах в последнее время достаточно

часто, чтобы отпечататься в памяти этим портретом. Здесь, в Яншо они стали сниться ему чаще, но об этом он, конечно, никому не говорил.

Каждая встреча с ней во сне всегда заканчивалась одинаково неприятно. Соблазнительная женщина, готовая его раздеть, в одно мгновение превращалась в гигантскую змею чудовищных размеров и проглатывала его своей ужасающей огромной пастью. Просыпаясь в холодном поту, стряхивая очередные наваждения кошмаров, цензору каждый раз мерещилась несуществующая боль от впивающихся в его тело ядовитых клыков.

Он списывал эти ночные кошмары и видения на недавние испытания, которые он с трудом пережил, нельзя отрицать, что пытки наихудшим образом отразились на здоровье, угнетая рассудок и лишая спокойного сна. С тех пор, как он вернулся в Яншо, все ухудшилось многократно. И если тело медленно, но верно поправлялось и заживало, то внутренне состояние становилось более тревожным, мрачным и угнетенным как раз из-за таких видений.

Теперь взгляд женщины на рисунке превратился в хищный оскал, на человеческом лице были хитрые змеиные глаза, а волосы стали еще гуще и темнее. Несомненно, ее сердце было бы подобно льду - таким же холодным. Прическа стала выглядеть неряшливо и странно, ведь в волосы были закреплены длинные петушиные перья, словно издеваясь.

Когда-то он уже встречал это лицо, но не мог припомнить

при каких обстоятельствах.... А может и нет, просто облик примелькался в снах, настолько что отпечатался в памяти, как вырезанная из камня статуя.

Теперь ее облик, ее образ не только странным образом притягивал взгляд цензора, вызывая возбуждение каждый раз, когда они встречались наедине, но и отталкивал мрачным эпилогом, оставаясь неразрешенной загадкой так и не состоявшейся близости. А загадки, как известно, мужчин привлекают... Но цензор зря надеялся, что бумагомарание хотя бы немного отвлечет его от смятений и странно беснующихся в беспорядке мыслей.

... но только не такие, какие показывает ему Золотой дракон в своих кошмарах по ночам, давая какую-то подсказку, которую цензор был пока не в силах разгадать...

Этот петушиный бой обещал быть многообещающим. Пока что его поддразнивали люди, столпившиеся за ограждением, пытаясь вырвать хвостовые перья, раздражая петуха и подзадоривая перед боем. Ван Би тоже был здесь и предчувствовал, что в этот раз ему обязательно повезет. Этот петух станет его удачей. Второго бойца еще не выпустили, он томился в клетке, внешний вид оперения был тусклее и бледнее, да и размером он выходил поменьше, что наводило на мысли о том, что более хрупкое телосложение делает из него слабого противника. Оказывается, он был на год младше своего противника, а это означает, что его должны разорвать в клочья.

Только было обидно, что сражение петушиных бойцов проходит в закрытом душном помещении, а не на улице. С отрезанными гребешками петухи смотрелись жалко куцыми, бедра у обоих ободранные после участия в предыдущих боях. Но, говорят, что отрезанные гребни пойдут на пользу, если скормить его самой птице, тогда она станет сильнее.

Малыш, так звали петуха помладше закричал по-петушину и бросился на противника, целился видимо попасть в голову, но удар чужого клюва пришелся на грудь, противник был его не только старше, но и выше. Затем малыш получил скользкий удар по затылку, пытаясь увернуться. Больно получив по голове, более мелкая птица испугалась и стала кружить вокруг второго петуха. Петух постарше чувствовал себя увереннее, он был и крупнее внешне и мощнее телосложением. И побежав на противника напролом, перехватывает его стыдливый побег, сбивает с ног и хитро прячет голову в чужом крыле, больно щипая, вырывая пуховые перья. Малыш пытается вырваться из захвата, проскальзывает под ногами второго петуха и внезапно разворачивается, бьет в шею и разверчиваясь, убегает снова, чтобы начать выжидающе кружить, махая крыльями, чтобы поправить сбившимися перья. Мелкий боец внезапно снова подбегает, бьет в голову, разворачивается, кружась и вновь убегает. Исход поединка еще неизвестен, но тут Ван Би Эр начинается просыпаться и осознает, что такой интересный поединок не досмотрел до конца! Какая досада – сон прервался на самом интересном

месте! Он встает с кровати, пьет водичку и снова ложится в надежде досмотреть этот сон до конца.

Днем думы, а ночью – сны. В эту ночь в Яншо всем снились крайне яркие сны. Причиной тому было состоявшееся ежемесячное полнолуние.

Жожо снилось, что она находится в алой комнате, украшенной красными бантами по случаю ее долгожданной свадьбы. Мебель здесь была вся сделана из красного дерева, обновленного лаком для пущего блеска. Она сидит в тревожном предвкушении на кровати под алой полупрозрачной вуалью, которая позволяет ей видеть праздничное убранство комнаты и ждет, когда в покои войдет тот, кого она так сильно ждет и этой ночью полноправно станет ее мужем. Гуань Шэн Мин придет, они вместе выпьют теплое вино, закусят его сладкими фруктами и пирожными, а затем в поцелуях переберутся на брачное ложе.

От мечтаний предстоящей ночи ее щеки заалели от румянца, а взгляд опустил на руки, лежащие на бедрах, умасленные ароматными маслами, увлажненные руки приятно пахли камелии. Но стоило скрипнуть отворяющимся дверям и сердце бешено пустилось вскачь, а дыхание, наоборот, сбилось. Сейчас она трепетала, словно бабочка на ветру, едва заведя силуэт в красном наряде, от присутствия которого сразу ушел страх, стало тепло и уютно. Но вошедший в брачные покои был совершенно не тем человеком, которого она ждала. И хотя внешность его была похожа, как две капли во-

ды, у этого человека оба глаза были зрячие, более светлые по оттенку, близкому к янтарю, но мрачные, как бездонный омут, в котором можно утонуть.

Некто, похожий как две капли воды на цензора приблизился к ней, минуя столик с вином и даже не взглянув на свежие лакомства, разложенные на столе. Взгляд его более светлых, но холодных глаз излучал едва сдерживаемое томление. Подойдя к кровати, он толкнув Жожо в грудь, заставив растянуться на кровати. Пойманные руки в запястьях, неизвестный завел над ее головой. Этот человек был груб и своенравен, он не будет с ней нежен, как Шэнь Мин. В его холодных глазах она прочитала, что он возьмет ее силой, и будет особенно рад, если она будет сопротивляться и кричать, этот человек находил наслаждение лишь в насилии, жестокости и лицезрением чужой боли, смакуя чужие впечатления.

- Кто ты? – удивленно спрашивает Жожо, не узнавая в вошедшем человеке прежнего цензора.

- Гуань Дао Шэн, к Вашим услугам - твой муж, которого ты так долго и одиноко ждала в покоях, но, поверь мне - скупать тебе больше не придется... - злой огонек дикого желания разгорался не только в его страшном взгляде и он навалился на нее всем телом...

С ужасным криком, Жожо проснулась в поместье Яншо, перепугав спавших слуг и охранников на улице. Оказывается, причиной этого кошмара стал назойливо приставший к ней комар. Но от ужасного сна ее все еще была дрожь как при

лихорадке. Такой сон не мог быть к добру... только бы не сбылся этот ужасный кошмар! Жожо напрочь отказывалась возвращаться в спальню, пока слуги не выкурят маленького вампира благовониями или не шлепнут, и пока ждет, попросила подогреть для нее теплого успокаивающего чая.

Фэй снился настолько нереалистичный сон, что она сразу отличила не явь от яви. Она словно со стороны наблюдала за происходящим на неизвестном ей побережье. Здесь росла неестественного цвета голубоватая трава, а деревья были синего цвета, словно это побережье выплыло из глубины морского дна.

Огромный снежный барс выступал против дракона. Это был небольшой морской дракон с узким тонким телом как у змеи и хвостом как у рыбы, от нетерпения бьющим по песку. Подвижность дракона была ограничена тремя лапами, ибо в одной лапе он держал сияющую перламутром морскую жемчужину, видимо какое-то сокровище. Снежный барс был соразмерен с морским драконом, ни капли его не боясь, он зарычал и бросился на бескрылого дракона с утеса. В отчаянной схватке снежный барс терпел поражение, левая передняя лапа была заляпана кровью. У дракона же была непробиваемая чешуя. Вероятно снежный барс не выстоит в этом сражении так как силы не равны. Но ему не нужно было побеждать дракона, и убивать его тоже не нужно было, только забрать жемчужину - сокровище, ради которого состоялось эта борьба двух мистических животных.

У морского дракона не была огненного дыхания. Только мощные лапы с когтями и взгляд желтых глаз, полных ненависти. Желая, чтобы жемчужина не досталась никому, дракон открывает пасть и заглатывает сокровище. Снежный барс непонимающе останавливается и отступает, делая мощный прыжок назад на прыгучих мощных лапах. Дракон крутит головой и прикрывает глаза от жгучей боли, проглоченное сокровище становится ядовитым и начинает изнутри разъедать внутренности. Исход этой битвы уже предрешен.

«Жадность часто приводит к глупости, и эта ситуация не была исключением» - делает вывод молчаливо наблюдая за поединком во сне телохранительница цензора и после этого просыпается, почему-то чувствуя отчаяние, словно потеряв нечто важное, но не могла осознать, что именно, как будто бы забыла.

Дни шли друг за другом, сменяя день и ночь. Было спокойно и стабильно как на непоколебимой горе Тай-шань[3]. Проводя время у воды Гуань Шэн и никуда не спеша, не мог не отметить, как роскошно и медленно закатывалось за горизонт солнце. Хотя, и не имея возможности проводить солнце за горы, он заметил, как двое рыбацких до этого монахов, которые опять спустились с горы, отложили уточки и стали усердно молиться в сторону заката. Дневные звуки постепенно сменялись вечерними. Настало время кваканья лягушек, и это время утихло и начиналось время криканий – это ночью на озеро за квакушками поохотиться прилетали

утки. Сплошное умиротворение. Он не мог припомнить, когда до этого момента он жил лучше.

Однако, засидевшись до часа Собаки[4] на уже остывшей земле цензор начал кашлять и заметил, что руки снова были холодные. Он пожалел, что забыл захватить накидку. Ему нельзя простужаться, и он направился обратно, ставшая яркой на потемневшем небосводе луна освещала ему путь, а ночные светлячки служили маленькими фонариками. Он уже лучше опирался на ногу, меньше хромая и мог позволить себе более продолжительные и протяженные прогулки. Как-нибудь стоит дойти до храма или святилища, но туда подниматься высоко в гору.

Необъяснимая тревожность приходила в сны, навещая все чаще, и сегодняшняя ночь не стала исключением. Сон был некрепким и беспокойным. Как говорится: «Ничто не предвещало беды». «Но человек предполагает, а Судьба располагает».

Солнечный день становился медленно, но короче. После единения с природой приходилось возвращаться обратно приходилось в Час курицы.

Однако, мечты о долгой и счастливой жизни обратились крахом, когда цензор вернулся к своей хижине, то сразу почувствовал, что кто-то проник в его временное жилище. Изнутри был слышен шум и разговоры. Никак это его помощники вернулись! Наверное, совсем потеряли своего господина, отлучившегося на целый день проветрить голову и раз-

мать затекшие мышцы.

Какой сейчас час? Он и понятия не имел, но день клонился к закату. Приятно отметил, что за время его отсутствия Ван Би успел скосить всю выросшую за две недели траву возле дома, справился даже пораженной ржавчиной косой. Приятно пахло свежей скошенной травой. Однако, перед тем как войти в хижину, не желая никого видеть, желая отсрочить момент встречи, цензор пошел назад и задержался у озера, спустившись к самой воде.

Кто просил их вернуться?! Не случилось ли чего страшного с госпожой Тан?

Вы когда-нибудь рассматривали иву, слушая мерное колыхание ветвей, потревоженных ветром? Ее длинные извилистые ветви спускающиеся в воду сейчас качались от ветра, мерцали серебром на солнечном свете, будто бы поглаживая поверхность воды, широким жестом приглашая в омут. Неповторимое зрелище! Эту изящную красоту нельзя передать словами. Казалось бы, всего лишь дерево. Просто красивая ива, растущая на берегу озера. Но лишь прозревший человек, который не пройдет мимо, остановится на месте, долго и неподвижно будет смотреть, может заметить эту необыкновенную красоту в простоте бытия. В ней было многое от жизни. Она была потрясающей с блестящими серебром на солнце листьями, трепещущими от легкого ветерка. Она была полна великолепия и непоколебимости жизни. Шэн Мин любовался деревом и не чувствовал нигде ни-

какой ноющей боли, не страдал от анемии, был бодр и полон как ему казалось жизненных сил впервые за долгое время восстановления. Сейчас жизнь играла другими красками: более яркими, более изумительными, более жизнерадостными. Так бывает, когда человек отпускает все плохое и тяжелое, когда он поправляется от тяжелой болезни, внезапно осознав, что у него ничего не болит – жизнь становится прекрасной и другие невзгоды кажутся менее серьезными и заслуживающими внимания.

В просвете меж ив и водяных лилий его ждал сюрприз, от которого он бы отказался, зная, что последует за новой встречей. Какой неприятный звук - он услышал чей-то стон. Было раненное животное, угодившее в силки? Совсем близко в камышах. Нет, не зверь. Это был человек, страдающий от сильной боли в изнеможенном состоянии, совсем как некто не так давно. Шэн вспомнил о последнем предупреждении Золотого дракона:

*«Когда луна скроется за ивой,
Злой ветер с гор подует.
Бояться надо - опасность ждет
Коварно у вод серебряной реки».*

Это было предостережение о прошлом или о будущем? Он все равно почему-то вспомнил об этом именно сейчас. Неужели в камышах притаилась опасность? Сейчас еще не стемнело и до ночи было далеко, ветер был теплым и слабым, и это было озеро, а не река.

Он не будет обращать на слабые возгласы, и потихоньку поднялся на склон, чтобы увидеть новый вид, открывающийся на разноцветные карстовые горы Яншо.

С этой горы кажется, что та гора высока.

В своих загадках Золотой дракон всегда был точным. Но какая же опасность кроме гибели ждала его тогда? Или она еще поджидает его в будущем?

Разгадать эту загадку похоже еще предстоит. Неважно, зато отсюда было хорошо видно возможную «опасность». Человек был одет а запыленную монашескую одежду желтых цветов, на левом плече была накидка коричнево-зеленая с красными полосками перекинутой через плечо ткани, как носят только монахи. Он лежал в траве на берегу и раздосадовано причитал. Его правое предплечье было в крови. Из лопатки торчала стрела.

Цензор сразу же узнал знакомое оранжевое оперение утки-мандаринки. Тот же самый убийца, использующий одинаковые стрелы: тот, что скрыл улики, убив наемную куртизанку в Ханчжоу. Стрелу с ярким оранжевым оперением, убившую Губернатора Му, отца Фэй и многих других в нераскрытых делах, встречавшуюся ему раньше. Уже один этот факт встревожил душу цензора, и он не мог пройти мимо. Он в любом случае не бросил бы человека в беде. Теперь это странное происшествие следовало изучить подробнее. А времени мало – стрела наверняка была отравлена...

Цензор огляделся. Кажется, вокруг было, как и раньше

больше не души. Кроме него, помочь этому человеку было больше некому. Значит, такова судьба. Он не мог предвидеть, как поменяется его мировоззрение после встречи с этим незнакомцем...

- Кажется, я умираю... - рана умирающего монаха не была настолько серьезной, но требовала незамедлительной обработки и лечения. Если приехала Жожо, то может быть она сможет дать противоядие. И, к счастью, цензор знал, что делать. Среди лекарств, которые на всякий случай послала ему Жожо, он вспомнил была лечебная мазь, хорошо заживляющая раны, якобы посланное от самого императора. Она хорошо помогла ему самому.

Все вдруг стало неважным. Маленькая хижина. Карпы. Пение птиц. Шум воды.

Это действительно происходит! Шэн словно очнулся от длительного сна. Наконец-то какое-то новое событие в его жизни случилось! Столь размеренное течение жизни в горах было нарушено. Он так этого ждал.

Умирающий монах никак не вязался с представлениями цензора о каникулах, подаренных его Величеством. Небо словно слышало его тайные желания и послала ему новое дело! И хотя ему еще самому требовался покой, чтобы залечить собственные раны, ухаживать за другим раненым ему было бы откровенно говоря в тягость, но раз уж так совпало и женщины так кстати вернулись, можно верить им этого несчастного бедолагу.

Цензор не оставит без помощи раненного человека. Не мог же он в самом деле оставить его здесь умирать! Это был решающий момент, определяющий его судьбу в дальнейшем, однако, молодой человек даже не подозревал об этом.

Раненный умоляющим голосом попросил его выслушать. Держа дрожащую руку и придерживая за плечо, Гуань Шэн помог раненому монаху сесть, обломал стрелу с оперением ровно наполовину, вырвать деревянное основание было уже сложнее и опаснее, боясь вызвать еще более обильное кровотечение, поэтому лишь перевязал место вокруг древка снятым с талии шелковым поясом. Когда Гуань Шэн Мин помог монаху выбраться из воды и сесть поудобнее, тот решил исповедоваться незнакомому человеку, как он думал перед смертью, полагая, что стрела отравлена и шансов выжить нет.

Монах поведал цензору следующие слова: «В столице Чаньань в императорском саду я закопал медный кувшин, в котором я спрятал списки с именами заговорщиков, которых тайная стража императора не сумела выявить и найти. Запомни, я зарыл этот медный кувшин рядом с Запретным городом, там рядом находится лотосовый пруд, а ажурный мост из белого нефрита ведет к тайной резиденции, в ней императорские шпионы докладывают о проведенных расследованиях и получают новые задания, неподалеку от четвертого подразделения Тайной стражи. Прямо под белыми лилиями.

Пока еще неизвестно, ошибся он или же сделал правильный выбор, доверившись цензору.

Наша жизнь тем и интересна, что каждый раз мы не знаем – правильный ли выбор делаем? В любом случае сожалеть уже слишком поздно. «Лучше сожалеть о сделанном, чем о не сделанном».

Гуань Шэн выслушал историю молчаливо рассматривая незнакомца, и тот в свой очередь занимался тем же самым, только морщился от боли и тяжело вздыхал. Мин не знал, как расценивать снизошедшее до него откровение, которое прозвучало для него как бред из уст обезумевшего во время лихорадки. Но человек говорил серьезно и его речь горела пламенной искренностью. Не поверить было нельзя. Все это время раненный монах держал руку цензора, его рука была ледяная.

- Вставайте, я помогу Вам дойти до своего скромного убежища.

- Я так ослабел, что больше не могу идти – я потерял слишком много крови и умира-а-аю... - запричитал жалобно монах, отказываясь вставать и идти.

- Хорошо, тогда я позову на помощь, – цензор снял верхнюю накидку, накинув на плечи человека и прислонил его к камню, что бы тот не заваливался на бок.

- Постарайтесь не уснуть и держаться в сознании, щипайте руки до боли, чтобы не провалиться в забытие.

- Похоже Вы оказывались в похожем положении? – уди-

вился монах, цензор выпрямился и огляделся вокруг. Скоро стемнеет, надо поторапливаться, если он хочет довести дело до конца в спасении этого человека.

- И не раз. Было гораздо хуже, - в единственном зрячем глазу спасителя мелькнула притаившаяся затаенная боль.

- Я должен был догадаться... - сказал монах, видимо, имея в виду глаз неестественного цвета, слишком мутный для зрячего с размытыми границами зрачка. - Но плохо соображаю из-за слабости... голова кружится. Я изо всех сил постараюсь продержаться, сколько смогу.

Цензор оставил его и поторопился за помощью.

- Там человек умирает! – поприветствовал вернувшийся цензор всех в одиноком убежище, шумно распахнув дверь, не став прислушиваться к их разговорам.

Все затихли, обломлено рассматривая неузнаваемого господина в простой грубоватой одежде, с румянцем на щеках, с озорно блестящими глазами, в предвкушении перемен.

Жохо и Фэй-Фэй до этого что-то обсуждали и даже спорили со слугой, но тут же среагировали и бросили на помощь.

- Где?

- Что случилось!?

- Бежим скорее! – не задавая лишних вопросов, кивнула Жохо, зная, что промедление в таких вопросах может стоить человеку жизни.

Они помогли раненому монаху подняться, взяв его под руки довели до дома, тот конечно еле волочил ноги, но сил с

чужой помощью добрести до домика ему хватило.

Шэн нашел в корзине шкатулку, открыл, внутри которой было маленькое зеркальце, искомая мазь и еще несколько вещей, открыл закупоренную бутылочку, присланную императорским лекарем - она была такого же ярко оранжевого цвета, как самые яркие перья мандаринки и сильно пахла травами, передал ее Жожо. Что ж – самое лучшее для служителей веры. Этому монаху повезло, что цензор прогуливался мимо.

Но, а кому с чем повезло – будущее откроет всю правду со временем.

Однако, теперь про карпов, удочки, пение птиц придется забыть. Хорошо хоть красивые виды из уже неодинокого убежища никуда не делись. В ожидании, когда обессиленный незнакомец проснется, цензор сидел на крылечке и наслаждался долгожданной прохладой вечера.

Очнувшийся первым делом попросил испить воды, пил воду он жадно и с большим удовольствием. Мужчина был плотного телосложения, но толстым его назвать было нельзя. Лицо его было добродушным, глаза слегка раскосыми из-за чего складывалось впечатление неясного затаенного лукавства. Он потерял много крови и был слаб. Голос его был хрипловатым.

Он представился буддийским монахом и назвал свое имя - Ан Ши Сяофу. Затем первым делом поблагодарил за свое неожиданное спасение, пообещав в будущем возместить все

расходы, затраченные на его лечение, однако в это с трудом верилось. Откуда у монаха могут водиться деньги? Монах был одет просто, вещей у него при себе не было, да и вряд ли у него они вообще когда-то были. Однако, он был вежлив и даже извинился за то, что ему приходится помогать, извиняясь за причиненные неудобства пожалуй даже слишком усердно.

Цензору без привычного использования золотого песка оказалось трудно определить, назвал ли этот человек свое настоящее имя. Но история его злоключений оказалось слишком поверхностной, а потому плохо продуманной, а вернее наспех придуманной – это ясно было всем с первых же его слов.

Этот человек был сложным для разгадки и крепким, как скорлупа грецкого ореха, чтобы легко раскусить его в первый же день встречи. Ясно же, что он скрывает истинную причину своего ранения для того, чтобы скрыть часть своего постыдного прошлого, сочинил эту небылицу на ходу. Ань Ши в красках рассказал о том, что его выгнали из монастыря за грубые нарушения храмового устава: обжорство, лень, беспробудное пьянство и потакание своим низменным потребностям, и он решил покинуть храм уйдя насовсем, пустился в странствия, где в горах перед разграбленным святилищем на него напали разбойники, посетовав на то, что горные дороги нынче в деревне очень беспокойные.

Но цензору и слуге было прекрасно известно, что Яншо

было местом спокойным даже в самых заброшенных местах и разбойников здесь не встречали лет сто. Об этом мог не знать только человек, впервые сюда прибывший. Да и где это видано, чтобы снедь, оставленная в святилище для богов опустела настолько, чтобы считаться разграбленным, разве что кто-то накинудся на оставленные там сырые яйца и за-сохшие мантоу[5]!

Гуань Шэн Мин был наблюдательным и не мог не заметить отсутствия у странствующего монаха вещевого мешка или каких-либо вещей. Не выгнали же монаха из монастыря под пинок в зад в самом деле как он рассказывал? Кто поверить в такое? Жожо нашла при нем круглую связку медных монет - жалование .

- Вот и молил бы Будду о помощи! – не удержался от сарказма слуга, выслушав всю историю до конца с крайне серьезным видом, кивая и поддакивая, весь рассказ выражая искреннее сочувствие от выпавших на долю монаха испытаниям и невзгодам.

- Помолчи, - велел Шэн слуге. - Вы исповедуете буддизм? – спросил монаха цензор, прекрасно зная, что ответ на этот вопрос он сможет узнать из моргающих глаз и направления взгляда, а не из ответа. Он неплохо так научился читать по лицам, работая среди продажных лживых чиновников.

- Понимаете, я чуть не умер, так что успел разочароваться во всех богах, - заявил монах. – Все они безмолвны к требованиям помощи. В беде хоть ты проси, хоть умоляй богов,

хоть кричи и ругайся, сквернословя – никто не ответит и знака никакого не подаст. Мне больше стал близок даосизм.

- О, так следуя подобным наставлениям, моему господину следовало бы вообще пройти мимо! Ибо, следуя учению даосизма ни в коем случае нельзя вмешиваться в чужую судьбу! Потому что недеяние – величайшее благо! Так проблем меньше и живется спокойнее.

- Заткнись! – велел цензор своему чрезмерно болтливому слуге, быстро смекнувшего что к чему, но тот развеселился и даже рассмеялся собственной шутке.

- Сам пошутил и сам посмеялся. Как смешно. Ну что за человек! – осуждающе вставила телохранительница.

Монаха оставили в покое, покормили раз надоевшей рыбой Сяофу провалился в спасительное забытие и его разум захватили наверняка безмятежные спасительные сны.

Однако, так было только на первый взгляд. Человек ослабленно уснул среди незнакомых ему людей в чужом доме, но внутри его терзала смута и сильная тревога.

К сожалению, в этом сне он не мог быть участником, остановить или дотронуться, его рука проскальзывала сквозь людей и предметы, как будто он стал бестелесным призраком.

Это был роковой судьбоносный день. Ибо дни солнечных затмений считались неблагоприятными для начинания и завершения любых дел. Именно поэтому император не занимался никакими делами, а все чиновники лишь являлись на рабочие места, но официально не работали.

Императорский звездочет заранее предупреждал о наступлении следующего солнечного затмения. Но все равно это было страшно, что посреди дня тьма внезапно поглотила землю, и круг солнца оказался полностью закрыт встретившей его луной.

Императорский звездочет снимает с лица маску и говорит Верховному цензору следующие слова:

- Вы решаете сами, как Вам лучше поступить. Посчитаете, что это прекрасная возможность убить своих врагов или позволить этому человеку взять на себя вину. Как Вы поступите?

Верховный цензор окидывает Ань Ши Сяофу пронзительным взглядом, не идя на поводу и ничего не отвечая. Это затянувшееся молчание изводит, раздражая терпение звездочета, и предсказатель судьбы ухмыляется:

- Как бы ты ни поступил, что бы ни выбрал – это не меняет исхода. Звезды упадут, сила уже исчерпана – ты уже выпущенная стрела в конце своего полета... - сказал он это обращаясь к Верховному цензору, поднимает голову к Небу, изрекает из себя слова, звучащие как проклятие, – Ибо темной звезды время пришло...

- Этот человек находится под моей опекой, а значит часть его преступлений – это моя вина.

- Вы горько пожалеете, что выбрали встать на его защиту. И Ань Ши Сяофу ничего не оставалось, как видеть, как Верховного цензора окружает парчовая стража, арестовыва-

ет за попытку причинить физический вред императорскому звездочету. Официальные извинения тут не помогут, лучше-го имперского чиновника обвинят в измене императору, а собранные за столько лет доказательства тщательно отберут и злодеи, в том числе убийца окажутся ненаказанными. А все произошло из-за того, что человек ошибся, доверившись не тому человеку. В этот момент монах очнулся от страшного видения.

[1] Миога - японский имбирь

[2] Блюдо, напоминающее корейский суп с лапшой - куксу

[3] Величественная и высокая гора непоколебима ветрам
и непогоде

[4] Час Собаки- с 7 до 21 вечера

[5] Мантоу – паровая булочка из рисового теста

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.